

Десятый месяц выдался знойным, солнце палило нещадно. Как только Гуань Цзиюэ выбрался из машины, его обдало жаром. Его миловидное личико тут же сморщилось, и он с явным недовольством уставился на того, кто сидел в салоне и едва ли не светился от злорадства.

— Ну, видишь те крупные буквы на табличке? Там написано: родителям и родственникам вход на территорию школы запрещен. Перестань на меня так смотреть, даже если ты будешь сверлить меня взглядом, я всё равно не смогу пойти с тобой. Будь пайнкой, слушайся, учись прилежно и не натвори глупостей, понял?

Как старший брат, Гуань Фэн считал, что никто не знает его младшего братишку лучше, чем он сам.

В нынешней ситуации, если бы он просто выставил его за дверь, еще неизвестно, какие жалобы тот настроил бы родителям. Лучший способ — это парой ласковых слов уговорить Гуань Цзиюэ самого войти в ворота школы. Хотя, по правде говоря, у него самого с самого начала рука не поднималась поторопить брата.

В отличие от Гуань Фэна, который с самого рождения был сморщенным, а в детстве едва не превратился в пухлый шарик, Гуань Цзиюэ с пеленок рос беленьким и нежным, а его характер отличался мягкостью.

В детстве у него был такой милый и тонкий голосок, что все, кто его видел, были уверены: когда придет время, он обязательно станет омегой. Старшие в семье души в нем не чаяли и охотно растили как драгоценного омегу, предоставляя всё самое лучшее. Его буквально носили на руках, боясь, что он упадет, и сдували с него пылинки, боясь, что он растает.

С годами Гуань Цзиюэ становился всё краше, и его красота, лишённая явных гендерных признаков, заставляла окружающих невольно проявлять к нему заботу. Однако, с другой стороны, привыкнув к всеобщему обожанию, он становился всё более избалованным, а его капризы порой затмевали выходки киношных богатых наследниц.

И когда все уже привыкли к мысли, что Гуань Цзиюэ совершенно естественным образом станет омегой, никто не ожидал, что в один прекрасный день он внезапно проявит признаки альфы.

Но даже став альфой, Гуань Цзиюэ разительно отличался от других представителей своего пола. Если другие альфы проливали кровь, но не слезы, то он — наоборот: лил слезы, но крови не проливал. Он не мог ни тяжесть поднять, ни плечо подставить, только и умел, что ластиться да строить из себя пайнку.

Его склонность к капризам ничуть не изменилась даже после вторичного пола, а в сочетании с внешностью, превосходящей по красоте большинство омег, это выглядело особенно примечательно. Старшие в семье, оправившись от первоначального шока, довольно быстро приняли этот факт и продолжали лелеять его, как и прежде. Они искренне считали, что в семье уже есть один альфа — Гуань Фэн, и если бы Гуань Цзиюэ стал таким же независимым и

гордым, то вся радость от воспитания ребенка просто исчезла бы.

К счастью, после того как Гуань Цзиюэ стал альфой, он не перенял свойственную традиционным альфам привычку цепляться за свою гордость до последнего.

В своем нежно-розовом платьице и с кружевным зонтиком от солнца, Гуань Цзиюэ, катящий чемодан, выглядел точь-в-точь как принцесса, отправляющаяся в путь. Единственным недостатком было то, что этой принцессе теперь приходилось справляться со всем самостоятельно. Расстояние от города А до города S не такое уж большое, но для Гуань Цзиюэ это был первый дальний выезд на учебу. Когда первоначальный восторг утих, осталось лишь беспокойство о будущей школьной жизни: он до смерти боялся, что, оставшись без родителей и старшего брата, просто не выживет в учебном заведении.

На всякий случай Гуань Цзиюэ упаковал в чемодан практически все свои вещи.

В дни перед началом занятий он запихивал в чемодан всё, что попадалось на глаза, из-за чего перегруженный багаж в какой-то момент перестал закрываться. В конечном итоге только общими усилиями вместе с Гуань Фэном удалось благополучно застегнуть этот раздутый чемодан.

Изначально Гуань Цзиюэ планировал добираться до университета на скоростном поезде самостоятельно, но родители, переживая, что он едет так далеко один, выставили Гуань Фэна, который всё равно бездельничал дома, в качестве водителя и грузчика. Гуань Цзиюэ был только рад, что кто-то поможет ему с багажом, и уже ни словом не обмолвился о том, что еще два дня назад настаивал на поездке на поезде.

Кто бы мог подумать, что, добравшись до ворот университета, Гуань Цзиюэ обнаружит, что его хитроумные планы рухнули.

Перед воротами стоял большой плакат, на котором бросалось в глаза объявление: родственникам вход воспрещен.

Все машины, привозившие студентов, должны были останавливаться снаружи. Внутри разрешалось заходить только самим учащимся; даже нежным омегам не позволялось быть в сопровождении родителей.

Официальная версия гласила, что после прохода через ворота старшекурсники помогут с переноской багажа, поэтому родителям не стоит излишне волноваться.

Гуань Фэн высунулся из окна машины, наблюдая, как Гуань Цзиюэ шаг за шагом приближается к воротам. Он достал телефон, на ходу сфотографировал спину младшего брата и, даже не глядя на то, что снимок получился размытым и фигуру едва можно было разглядеть, отправил его в семейный чат, со злорадством добавив: Путь к самостоятельности маленькой принцессы начат.

Перед поездкой в университет, чтобы выглядеть как можно лучше, Гуань Цзиюэ специально выбрал из своего гардероба самую нежно-розовую юбку до колен. Он тщательно уложил волосы, и даже сидя в машине, боялся откинуться на спинку сиденья, опасаясь помять красный бант, закрепленный на затылке.

Маленькие кожаные ботинки ступали по пыльной земле — было бы неправдой сказать, что ему не жаль их пачкать.

Тщательно уложенная прическа теперь только мешала: с каждым шагом челка лезла в глаза, доставляя массу неудобств. Однако одна его рука была занята зонтиком, а другая тянула чемодан, так что свободной руки, чтобы убрать мешающие пряди, попросту не было.

— Младшая сестра, давай помогу. В каком корпусе твое общежитие?

Внезапный голос обрадовал Гуань Цзиюэ, оттащив его от самой грани раздражения. Привыкший к заботе, он с чистой совестью передал багаж подошедшему старшекурснику.

Даже если бы вещей было совсем немного, пройти мимо изящной омеги, которая в одиночку тащит чемодан, было бы непорядочно.

Цяо Вэй как раз закончил помогать с багажом одной миниатюрной омеге и, едва вернувшись к воротам, тут же заметил следующую. Он еще не успел удивиться тому, как много сегодня у него поклонниц, как «женщина-омега» в его глазах открыла рот:

— Корпус А, здание восемнадцать, четвертый этаж, четыреста вторая комната. Спасибо, старший брат!

— Погоди-ка, ты альфа? К тому же младший товарищ?

<http://bllate.org/book/21921/2277519>